

“надо зажмуриться и самому себе написать некролог”

Александр Ширвиндт — Газете

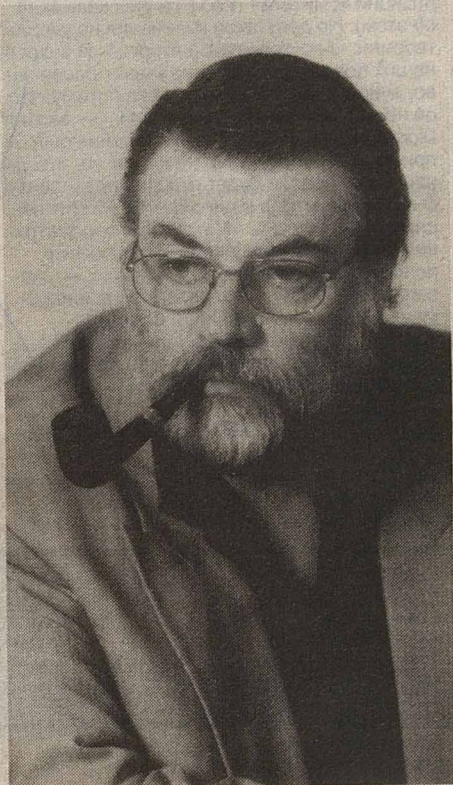
Сегодня в Театре сатиры — премьера спектакля «Яблочный вор» в постановке молодого режиссера Ольги Субботиной. Накануне премьеры с художественным руководителем театра **Александром Ширвиндтом** встретился корреспондент Газеты **Артур Соломонов**.

В двадцатых годах в Театре сатиры на ура проходили спектакли-обозрения: «Москва с точки зрения», «Спокойно — снимаю». Там поднимались актуальные в то время проблемы уплотнения, устраивался литературный турнир, где участвовали «чемпион потустороннего мира» Анна Ахматова, «победитель Чапека» Алексей Толстой. Словом, «сегодня в газете — завтра в куплете». Вы не хотите возродить жанр спектакля — обозрения?

Вы попали в точку. Я как раз сегодня собирал всю мужскую банду и говорил об этом. То, что умеем мы, до сих пор многие не умеют. Многие наши актеры физиологически приспособлены к такому жанру. Да, обозрение нам необходимо.

Но сегодняшняя премьера к обозрению никакого отношения не имеет. Это спектакль по пьесе Ксении Драгунской. И задействована там молодежная команда. В главных ролях — Маша Голубкина, Света Антонова, а их окружает сонмище молодых мужчин: Игорь Лагутин, Михаил Владимиров, Михаил Дорожкин...

Окончание на странице 15

Александр Ширвиндт: «Чем больше юбилеев, тем больше фуршетов»

“надо зажмуриться и самому себе написать некролог”

Александр Ширвиндт — Газете

Окончание.
Начало на странице 01

А для обозрения у вас уже есть темы?

Про все что угодно можно играть. Надо выплунуть в окно. Наша жизнь — обозрение. Хочется создать некий театральный стриптиз — обнажить проблемы. Темы: театр, ТВ, кино. И круглосуточные тусовки, фестивали и премии. Из статзеток, выданных друг другу за год, можно сложить медный храм. Мне тут недавно позвонили, спросили, не могу ли я быть членом жюри «Патриотов экологической помощи начинающегося возрождения». Я говорю: «С удовольствием! Но почему я? Я в экологии ничего не понимаю» «А ничего понимать и не надо. Нам нужны солидные люди. Просто будете сидеть — и все». И этих премий, организаций — миллион. Не говоря уже о бесконечных презентациях и юбилеях. Причем частенько бывает так: «Завтра у нас большой праздник, круглая дата — три года нашему банку». И я понимаю, почему они празднуют: бояться, что до пятилетия не доживут — или накроются, или их всех пересажат. И вот — юбилей в «России»: три года «ВРОТСТОЙБАНКУ». И я иду с удовольствием. Потому что чем больше юбилеев, тем больше фуршетов. Я счастлив каждой такой бодяге. А все эти комичные «молодежные» юбилеи — «Мне двадцать пять» — ну этому, который без слуха-то, а другой устраивает юбилей «А мне двадцать шесть». Я встречаю как-то Владимира Зельдина и говорю: «Сделай программу «А мне восемьдесят девять». Тем для обозрения можно найти массу. Можно придумать программу «Перелистывая двадцатый век». Использовать тексты Аверченко, Саши Черного, Тэффи, Зошенко.

Но, если говорить о сегодняшних темах, главная проблема — авторы. Те, кто раньше работал в этом жанре, или умерли, или стали кто мзтрами, кто монстрами. Как я могу сейчас обратиться, скажем, к Жванецкому с такой просьбой? Я могу его только заставить по дружбе посмотреть и подсказать. Ведь в чем ужас сегодняшнего КВНа? Тогда это было профессиональное действо. Условно говоря, если Одесса брала в помощь Жванецкого и Хайта, то Свердловск заманивал, скажем, Альтова или Арканова. А сейчас это нечто нахально-разболтанно-крикливое. Или, например, этот «Аншлаг» — фиксация консервирования роста таланта. И все — больше никто в подобном жанре не работает. То есть эта ниша не заполнена. Есть в Москве прекрасные театры, но это пространство пустует.

В вашем кабинете маленький портретик Чаплина и огромный портрет Путина. Откуда?

У меня на спектакле были представители администрации президента. После спектакля они пришли ко мне в кабинет, принесли что-то завернутое в холст, молоток и гвоздь. Развернули — это оказался портрет Путина.

И они били гвоздь и повесили этот портрет со словами: «Здесь Владимир Владимирович очень иронично смотрит. Этот портрет очень подходит для кабинета руководителя Театра сатиры».

Вы говорили как-то, что для вас возможность стать художественным руководителем театра — одна из авантур. На каком этапе эта авантюра сейчас?

Я-то думал, что эта авантюра завершится с окончанием моего контракта. А он закончился два месяца назад. И я стал подумывать, что пора линять. Ведь нужно влезать все глубже и глубже. Сначала надо было остановить крушение, не допустить варягов. А теперь нужно идти дальше. А я старый уже. Старый. У меня такая задумка, что, когда в следующем году будет восемьдесят лет театру, а мне семьдесят, — вот этим сочленением юбилеев я и закончу. Театр частенько журят. Все не то! Поставишь обозрение — сразу начинается: «легковесно, шутейно, низко, вяло, глупо...». Сделашь «Таланты и поклонники» Островского — начинается: «куда они лезут, это не их, делали бы свои замечательные, чудные, веселые, искрометные обозрения». А пишут те же люди, которые недавно ругали то, что сейчас вдруг хвалят! Опять не то. Поэтому выход один — не слушать, не смотреть, не читать. Но животное начало существует, и все равно читаешь. Вот драматург Арбузов покойный никогда не читал рецензий. Как только доносило до него, что началось ругань, он тут же брал билет и улетал в Англию на футбол. Он даже тогда, в советское время, мог себе это позволить.

А вы как к рецензиям относитесь?

Когда я работал просто артистом — ну совсем спокойно. Сейчас, в этом чиновничьем кресле, я вынужден понимать, откуда растут корни того или иного высказывания. С этими пираньями пера все понятно. Вот, например, играет пожилая актриса, а про нее пишут: «Климактерическая актриса на вялых, дряблых ножках». Обязательно бить ниже пояса!

Считаете, критики всегда не правы?

Нет, я думаю, они очень часто правы. Я говорю о форме. Вот, например, Наталья Крымова писала очень острые статьи. Никогда не забуду ее статью о «Гамлете» в «Ленком». После нее можно было вешаться.

Но там она написала, что Олег Янковский — не более чем статист.

Это страшно! Но она же не писала про «вялые ножки». Это определение не физиологическое, а профессиональное. Это была резкая, жуткая, но очень профессиональная статья.

А у вас в театре не жалуются, что в сезон выходит небольшое количество премьер,

а в труппе восемьдесят человек? Не говорят, мол, вот во МХАТе, которым руководит Олег Табаков, каждый месяц выходит несколько премьер?

Я думаю, что оглядываться вокруг — дело неблагоприятное. И опасное. Это, кстати, любят делать актеры. Но — у каждого свои возможности, свои ходы. Я, честно говоря, не знаю, как можно в месяц выпускать несколько премьер. Значит, такие возможности. Постановочные, финансовые. Олег Павлович говорил, что хочет собрать букет лучших артистов России. Как можно собрать? Собрать — это если вдруг появляется в подвале какой-нибудь Мейерхольд и растит индивидуальности. Так собирался «Современник», так собиралась Таганка. А это — не собирать. Это — купить. И в этом нет ничего плохого. Было бы на что! Табаков — молодец. Там же оформления замечательные, актеры великолепные. Шипеть на это — бред. Только удивляться, настораживаться и восхищаться. Но если в сезон сделано тридцать премьер — значит спектакль должен существовать полгода максимум. Ведь не может быть репертуар из пятисот названий. Это же мистика! Значит, выстроен замечательный конвейер. Но, с другой стороны, мало кто понимает суть проблемы. Все говорят: рыночная экономика, рыночная экономика. А театр как был советский, так и остался. Уволить никого невозможно. Начинается — «основатель театра, старейшина». Совсем нет такой логики — идут на тебя, играешь хорошо — ты артист. То есть востребован — работой, нет — уходи! Об этом нет и речи. Театр живет по советской логике существования репертуарного театра.

А вы не пытались эту логику нарушить? Это бессмысленно. Только с помощью инъекций молодой крови.

Валерий Фокин в интервью Газете говорил, что театр-дом очень легко может стать санаторием для ветеранов сцены. Пансионом.

Так это и есть. Но Фокину легко говорить, у него не театр, а центр.

То есть вы не пытаетесь проводить «чистку» труппы?

Чистка, к сожалению, проходит — естественным путем. Очень сильно у нас сократилось старшее поколение. А как это восполнить?

Одна из театральных ролей, принесших вам известность, — кинорежиссер Нечаев из спектакля «Снимается кино» в постановке Эфроса. Критики писали, что этот образ «аккумулировал все приметы времени, толкающего человека к компромиссам в жизни и в искусстве». Вам сейчас часто приходится идти на компромиссы? С точки зрения того, что я делаю, — нет. А с точки зрения того, что можно было бы и не делать, — да. Можно было бы не де-

лать, но так как нужно, хотя, необходимо кого-то занять, кому-то что-то дать — слабинку даешь. Во имя того, чтобы было потише в труппе. Это вообще. А если говорить обо мне, то я делаю то, что мне симпатично. Вот Орнифля я играю с удовольствием.

Вам никогда не хотелось пойти против вашего сложившегося имиджа и сыграть, скажем, какую-нибудь роль из Достоевского?

Конечно! Ведь когда-то я был серьезный артист, играл драматические роли. У того же Эфроса. Если бы был материал и режиссер — пожалуйста! Ведь в чем проблема нашего поколения — ну тех, которые более или менее на плаву? Вот приходит режиссер Х и начинает что-то безумное придумывать, но отжаться его идеям очень трудно. Ведь очень часто делают не что-то свое, а лишь бы не так, как раньше. Не просто «Чайка» — а по мотивам, не просто «Гамлет» — а по мотивам! И, если в такое попадаешь, сразу рефлексивно садишься в то, что уже умеешь. А рисковать можно только тогда, когда веришь режиссеру.

А у вас бывает такое чувство — сам себе надоел?

Ой, не то слово. Не бывает, а всегда! У меня редко бывает чувство, когда я сам себе не надоел.

И в жизни, и в искусстве?

В жизни больше. А в искусстве бывают напыльы такого псевдооптимизма. Причем не от того, что решил: сегодня буду оптимистом! А как-то поднялся утром, солнышко, давление более или менее нормальное...

А почему в жизни — больше?

Премьер мало! Круг — тот же. Все уже и уже. Возможностей все меньше и меньше. Вот как раньше? Сидим с другом. «Слушай, давайте рванем в Адлер?» Садимся в двенадцать ночи в автомобиль «Победа» вдвоем. И, меняясь за рулем, допиливаем до Адлера. Покупаем и отчаливаем обратно. Или, как часто бывало, срываемся с Державиным и летим на рыбалку в Астрахань. Ловим рыбу, живем в палатке... А сейчас рыбалка — это солидный выезд. Термос, трубка, ребята согливые червей подносят, ты с ними расплываешься, сидя на мягком стульчике. И — сон. Глубокий. Пока карп сам тебя в воду не утащит.

А возникала у вас когда-нибудь такая мысль: все, не буду больше пытаться прыгать выше головы?

Черт его знает. Надо зажмуриться и самому себе написать некролог. И если подумаешь: чего-то этот некролог какой-то вяловатый, — то надо развиваться. Вот, скажем, будет написано: «Три года он был художественным руководителем театра». Маловато. А вот если там будет написано: «За это время был страшный провал спектакля «Жуть» и прогневшее на всю Москву обозрение «Штаны наизнанку» — это уже что-то. А просто — побывал в кресле — жидковато. И когда так себя прочтешь, то чувствуешь, что какие-то пустоты еще необходимо заполнить.

Вы немало проработали на телевидении. Как относитесь к сегодняшнему ТВ?

Да никак. Раздражает тавтология: бесчисленное количество ток-шоу. Токует спрашивающий, а отвечающий под пыткой хочет выглядеть личностью. И все это передрано с западных телепрограмм. При тех разговорах, что сейчас все можно, — ничего нет. И все одно и то же.

А если по ТВ можно было бы пустить рекламный ролик Театра сатиры, каким бы он был?

Я об этом не думал. Хотелось бы какой-нибудь хулиганский. Было бы смешно, если бы мы сами себя рекламировали по стереотипу всех известных реклам. Только вместо прокладок и слинkersов вставлять какие-нибудь спектакли, рожи. Что-то вроде того мужика, который пил-пил пиво, и у него родился сын Серега. От пива! Вот так устало сказать: «Роль сегодня сыграл. Гамлета». Все восторженно орут, и заставка — «пейте Бадаевское пиво».

Не думаете, что наступит момент, когда зритель ничего от вас не будет ждать, кроме появления на сцене?

Опасность такая есть. Поэтому и хочется чего-нибудь хулиганского. Вот зовут на какую-нибудь встречу с названием, например, «Перелистывая страничку». И начинаешь мучить старика Державина... Конечно, на этих страницах есть много милого и прекрасного, но хотелось бы и новое что-то написать.

И какая страница следующая?

Ставилю спектакль «Слишком женатый таксист».

Знаете, мне кажется, я сейчас вас буду провоцировать на перелистывание этих самых страничек. Помните первую свою роль в профессиональном театре — вы играли белого офицера в спектакле «Первая конная» в Ленком?

Это был пятнадцатый седьмой год. Я только пришел после училища. И сразу влез в это ампула. А это было в начале первой половины прошлого века! И я сразу стал играть насильника, охальника. На меня наклеили тонкие уски, надели белогвардейскую форму. И я сразу стал в углу насиловать несвежую актрису.

И ваша жена впервые увидела вас на сцене тоже в роли мерзавца?

Да, мне было четырнадцать лет. Мы жили в Ниле — дачном поселке. Наука, искусство, литература. Там отдыхала наша семья. Журавлевы, Дикий, Захава... И там у нас был дачный театр. Его устроил Журавлев. Мы играли «Без вины виноватые». И жена моя будущая, внучка главного архитектора Москвы, тоже жила там, но далеко. И вся тринадцатилетняя элита приходила на этот спектакль. Тогда она в меня как в актера и влюбилась.

А как вы познакомились с Андреем Мироновым?

Это было в Театре эстрады, который раньше находился напротив Театра сатиры. Главным режиссером Театра эстрады был Конников. Он, кстати, делал там и обозрения. На одном из таких обозрений мы и познакомились с Андреем. Называлось это обозрение то ли «Москва лучегазовая», то ли «Москва лучегазая». Я играл молодого москвича, который показывал юной провинциалке Москву-красавицу: здесь прекрасно кормят, здесь чудно поют, вот роддом, вот университет. Словом, играли что-то необыкновенно остро. Была там и «плесень» — стилиги, курильщики, я пел песню про двух друзей, которых звали Аляка Голь и Ника Тин. Мы дико бичевали пороки! Эти люди заманивали чистую советскую молодежь в тенета алкоголя и никотина. И когда мы сдавали этот спектакль, в зале

сидели Миронова и Менакер, а между ними сидел очень толстый, попастый Андриуша Миронов. Ему было примерно пятнадцать лет. Тогда мы и познакомились. А потом уже пошло-покатилось. Потом я выпустил его из Щукинского училища как педагога.

Не жалеете, что в свое время ушли от Эфроса?

Я не ушел, там была немного другая история. Мы сначала вереницей ушли из «Ленкома», когда Эфроса оттуда прогнали. Три года я с ним работал на Бронной. А он был натурой влюбчивой. Стал влюбляться в других актеров. Появились Даль, Волков, Козаков... Не то чтобы он изменял, он влюблялся.

Разве это не одно и то же?

Это естественный процесс. Ну, сидишь ты в своей семье, а все равно глаз кладешь на тех, кто тебя окружает. А в семье все — ревнучие. И меня переманили в Театр сатиры. Но с Анатолием Васильевичем мы расстались хорошо.

Вы первое время жили с женой в коммуналке, где с вами рядом проживали восемьдесят соседей. Как это было?

Да, там жили шесть семей. Жили очень весело. Я иногда там проезжаю, сижу там в машине, в своем старом дворе, учу слова. А в дом уже не проникнуть — там такое заделано! Охрана, офисы, секретность... Вот недавно меня уговорили поучаствовать в программе «Одноклассники». Согнали класс. Вообще зрелище, конечно, не очень аппетитное. Самое смешное, что после этой передачи мне каждый второй позвонил и сказал: «Ширва (моя школьная кличка), тут мои смотрели передачу и говорят, все очень изменилось, и только ты да я почти такие же, как раньше». Потом следующий звонит: «Слушай, тут мне жена выдала, говорит — ты и Ширва лучше всех выгляди!»

С вами в одном классе учился сын Никиты Хрущева. Чувствовалось, что это сын главы государства?

Нет, это почти не ощущалось. Потом, когда мы окончили школу, разработка, в которой он участвовал (он физик), получила Ленинскую премию. И он, конечно, тоже. А у нас проходили вечера встреч одноклассников, которые до сих пор, кстати, существуют благодаря усилиям двух фанатов. У нас была газета под названием «Колючка», она издавалась со второго класса. И сейчас она существует — представляете? Каждый год нас снимал один из наших одноклассников — со второго класса до сегодняшнего дня. И вот мы собираемся, идем, скажем, в ресторан «Прага», и там он вывешивает эти «Колючки» с нашими фотографиями. Пятьдесят штук! Это портрет Дориана Грея наоборот! Страшное зрелище! Так вот, на один из наших сборов Сережа Хрущев пришел, спрятав Ленинскую премию за лацкан пиджака. Решил посмотреть, как пойдет. А пошло: «Ну чего, выпланичили тебе премию-то?»

И он все-таки премию эту, которую прятал, как секретный агент, нам показал. А через какое-то время эмигрировал в Америку.

Кстати, когда вы приехали в Америку в 1975 году, вам удалось встретиться с Михаилом Барышниковым?

Тогда и произносить нельзя было имя «Барышников». Это был предатель, изменник. А в Америке мы жили в гостинице, напротив которой репетировал Барышников. И я сидел в номере и мучился: пойти — не пойти. И не пошел. Решился на встречу с ним только во второй приезд — через какие-то вторые, третьи руки...

Что был за городок, куда вас вывезли во время эвакуации, — Чердынь?

Он находится в двухстах верстах от Соликамска. Если сказать о некрологе, нужно об этом городке упомянуть. Не так давно в Чердыни открыли музей, где есть экспозиция, посвященная великим людям, посетившим Чердынь. Рядом с экспозицией о необыкновенном росте торговли в Соликамске есть стенд «Великие люди в Чердыни». На стенде — Журавлев и я. Хотя тогда я был в первом классе. Холодно там было очень. Я возил на лошади воду из реки. Водовозов, в общем, был. Они меня приглашают, но я никак не могу до них донести, чтобы там еще бюст установили! Так что где-то у меня есть форпост величия. У нас, кстати, с Левкой Дуровым была шутка такая. Мы шли с ним по Марьиной роще и представляли это место как музей-заповедник его имени — вот она, родина великого актера Дурова, вот голубятня, где он гонял голубей, вот детская площадка, где он играл. И мы входим в большой зал, и в скромном уголке Дурова — большой бюст Эфроса.

Вашего отца звали Теодор, а потом он сменил имя на Анатолий. Почему?

В нас есть немецкая кровь. Ширвиндт — это такая немецко-прибалтийская фамилия. И где-то в Прибалтике был город Ширвиндт, который потом, во время войны, снесли. Есть река Ширвиндтас, конфеты. Я думаю, что он сменил имя во время Первой мировой войны. Наверное, тогда все евреи с немецкими корнями, я думаю, всех этих «теодоров» сменили на русские имена. Моя жена случайно это обнаружила и теперь страшно переживает. Она считает, что, если бы я был Александр Теодорович, это было бы значительно интеллигентнее.

А КГБ не пыталось вас завербовать?

Пытались. Сейчас стало очень модно признаваться. Но мне, по сути, признаваться не в чем, потому что завербовать меня так и не получили. Я тогда был довольно модным артистом «Ленкома». И в меня была влюблена — зрительно — жена второго советника американского посольства. И — цветы, цветы... Тут же появился человек и сказал, что «надо идти на контакт». И я долго от них бежал. Я бы сейчас мог вам похвалиться, что я сотрудник антиамериканского КГБ, но просто я тогда дико не захотел. И аргументов у меня не было. И единственное, что меня спасло, — я сказал, что у меня слепая мать и времени поэтому нет. И это было правдой — мама в последние годы ослепла.

Ваша мама ведь была актрисой. Она влияла на вас как на актера?

Как все люди, хлелебущие этой профессией, она пыталась меня отговорить. Отталкивала всеми силами. Но уговорить меня было невозможно. Это потом только начинаешь понимать, как были правы родители.

Они были правы?

А может быть, я был бы гениальным таксистом?